

ДИСКУССИОННАЯ ПЛОЩАДКА

УДК 316.4 : 008

doi: 10.26456/2219-1453/2021.4.217–232

ЦИВИЛИЗАЦИОННЫЕ ВЫЗОВЫ СОВРЕМЕННОМУ МИРУ, И САКРАЛЬНАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ ПРОШЛОГО

А.Р. Геворкян

Первый Московский государственный медицинский университет
имени И.М. Сеченова, Москва, Россия

В статье истоки современных цивилизационных вызовов рассматриваются как следствие исторически разворачивающегося противостояния эсхатологизма и хилиазма, на фоне которого Россия выступает в качестве пока еще не реализовавшейся потенции иранско-парфяно-византийских начал. Актуальность исследования обусловлена тем, что современные глобальные изменения, имевшие место на стыке веков и тысячелетий, приводят к крушению просвещенческой парадигмы, с ее упрощенным мировидением, где сложные исторические процессы развития заменяются механистическим прогрессом, привнесенным из научно-технической сферы. Появляется необходимость рассмотрения альтернативных возможностей в понимании истории как сложного, но единого в своей метафизической данности феномена, где будущее и прошлое в одинаковой степени живы, как и настоящее. А это означает обращение к принципу историзма как тотальности историчности истории. Целью статьи является попытка выявить необходимость перехода магистральной линии развития от западноевропейской, латинской цивилизации к восточноевропейскому, византийскому миру. Здесь была сделана попытка показать безальтернативность данного пути развития истории, для предотвращения ее срыва, поскольку в случае перехода инициативы в другие руки, это будет равносильно сведению на нет провиденциального характера существования человечества, даже несмотря на то, что этот провиденциализм может реализовывать себя в сугубо секулярной форме своего проявления. Новизной проведенного анализа является выявление нереализованной потенции парфяноства, идущей на смену изжившей себя римской модели. В этой связи необходимо отметить, что парфяноство не только является частью иранства, но и вбирает его в себя, и одновременно является целым по отношению к нему. Более того, и иранство, и византийские начала могут быть актуализированы в совершенно новых исторических условиях только через парфяноскую идею, будучи ее составными частями, и тем самым, пребывая в ней самой.

Ключевые слова: *иранство, семитство, хилиазм, эсхатологизм, финикийско-карфагенско-римские начала, иранско-парфяно-византийские начала, «Третий Рим», «Новая Парфия».*

Без понимания принципов религиозного материализма вряд ли можно понять содержание современной мировой цивилизации и той борьбы между ее частями, которая реально происходит. Условность задана к тому положению, что идейные установки тех или иных лиц ни в коем случае не могут быть абсолютизированы и привязаны к определенной группе по расовому, национальному, религиозному и другим принципам. Речь идет об определенных духовных установках, которые могут разделять разные люди, не имеющие отношения к этой непосредственно заданной этнической составляющей.

Феномен религиозного материализма существует с древнейших времен. И здесь особо надо подчеркнуть роль семитских народов в понимании религиозного материализма как священного материализма. Суть сказанного сводится к особой святости материального мира, заданного в его онтологических основаниях. Поскольку Господь не создал этот мир в качестве чего-то преходящего, уходящего и погибающего, соответственно. Этот мир должен быть запечатлен в вечности, а не превратиться в тлен времени, уйти вместе с ним в никуда, в небытие. Это бытие должно стать инобытием по отношению к себе, одновременно оставаясь самим собою, иначе говоря, время не теряя себя, вписывается в вечность. Созданное во времени ему уже не подсудно, и имеет отношение к божественной реальности. Эту метафизическую идею с поразительной глубиной обозначил Данилевский: «Бог пожелал создать красоту, и для этого создал материю». Как уже было сказано, исторически сложившимся образом, это особо понимали, переживали и пытались реализовать высокие религиозные импульсы в первую очередь семитские народы. Далеко не случайно, что, касаясь глубинных оснований семитской религии, В.С. Соловьев говорил о священном религиозном материализме евреев.

Одновременно с семитским религиозным материализмом в мировой истории просматривается влияние иранского спиритуализма, как определенной альтернативы исторического развития. Здесь основной акцент делался на сугубо духовной составляющей, когда материальный фактор не рассматривался в качестве самодовлеющего принципа, а жизнедеятельность человека была дана сквозь призму реализации божественного царства, но только данного в трансцендентном измерении.

Именно в этой точке отсчета явно намечаются две радикально разные тенденции мировой истории, изначально заданные в своей религиозной составляющей: семитский хилиазм и иранский эсхатологизм. У семитских народов преобладающий хилиазм привел к трансформации религиозного материализма, который, тем самым, во многом потерял свои сакральные корни, изначально действительно присущие ему. Пертурбация религиозного материализма в хилиазме и через хилиазм имела далеко идущие последствия, поскольку происходит «оплотнение», «приземление», и, наконец, материализация самой этой религиозной идеи, когда на практике хилиазм оказывается максимально сближенным, местами переходящим образом с теократией. Данная пертурбация в корне меняла всю картину мироздания. Отныне материализм все больше и больше терял связь со своими религиозными корнями, постепенно трансформируясь во что-то сугубо земное. Хотя в древности пуповина религиозного материализма и не была

полностью разорвана, однако, уже были заложены механизмы его перехода через опосредованные звенья в оккультный материализм. Уже первая семитская теократическая государственная структура в лице древнего Израиля означало духовный срыв с точки зрения конечных результатов религиозного идеала оправдания земного существования человечества. В другое время, но с аналогичными результатами завершило свое существование арабское теократическое правление.

И здесь явным образом вырисовывается та историческая данность, которая должна быть определена как семитство в своем противостоянии с иранством, поскольку семитство олицетворяет хилиазм, а иранство-эсхатологизм. Однако это положение ни в коем случае не должно быть абсолютизировано, поскольку речь идет о глобальных аспектах развития мировой истории, а семитство и иранство исключительно должны рассматриваться в духовном измерении. В связи со сказанным важен следующий пример. В хилиазм оказались полностью погруженными греки. Сама трагедия Византийской империи не в последнюю очередь была предопределена хилиастическими установками, поскольку трансцендентные измерения были заменены вполне земными апробациями имперского могущества, которое реализовывало возможности осуществления «Божьего Царства на земле». И в то же время среди семитских народов ассирийцы не только полностью выпадали из хилиазма, но с точки зрения понимания эсхатологических перспектив развертывания мировой истории, оказались в неразрывном единстве с иранским миром, более того, иранство в полной мере не может быть понято вне контекста пребывания в нем ассиросирийского фактора. Что касается современного Ирана, то историософская идея иранства не может быть в полной мере отождествлена со всем его населением. Тюркские народы, а также семитские – арабы и евреи, населяющие нынешний Иран, исторически не могут быть включены в иранскую идею. Условно к ней могут быть отнесены народы индоиранского происхождения, и то, исключительно по той причине, что формировались, и в дальнейшем пребывали в ее культурно-историческом ареале. И здесь кровнородственные отношения никакой роли не играют. Определяющим, в том числе и к современным иранцам, тюркам и семитам, являются те или иные духовные установки, которые они исповедуют, и которые становятся движущими силами их исторического развития.

Таким образом, в древнем мире уже складывается тенденция, связанная с тем, что определенная материалистическая заданность религиозного видения, которая, постепенно упрощаясь и теряя свое изначальное религиозное ядро, приобретала все более приземленный характер, и теряла связь с высокими началами спасения материального мира и его запечатления в самой вечности. На пути трансформации религиозного материализма в оккультный, «торговый дух» финикийского материализма оказался его первым пробным камнем, первой потенцией его реализации.

Без определяющего влияния финикийского материализма невозможно понять глубинные основания римской материалистической цивилизации, призванной окольцевать собою весь мир, и навязать последнему свой образ жизни, во многом действительно прагматически-материалистический в своем основании. В этом смысле борьба Карфагена с Римом по сути вещей сводится

к господству над бассейном Средиземноморья и контроля над торговыми путями в этом важном геополитическом регионе. Здесь невозможно найти противоборства в духовном измерении, альтернативные пути развития, которые могла предполагать каждая из сторон конфликта. Это была борьба интересов, и не более того. В этом смысле знаменитое крылатое выражение Катона Старшего «Карфаген должен быть разрушен» логически может быть завершено следующим положением: «ибо двум Римам одновременно не бывать». Карфаген в метафизическом смысле был задан в Риме, был самим Римом, а Рим только и делал, что реализовывал карфагенскую программу изменения мира, изначально заложенную в нем самом. И весь героизм Ганибала, его немеркнущее величие звезды первой величины древнего мира, высокая доблесть и честь его римских врагов, ровным счетом ничего не меняли. Столкнулись прямое продолжение финикийских начал с тем, что было порождением тех же финикийских мировоззренческих установок.

Противоположная Риму потенция в полной мере была задана в Парфии, которая в своей исторической проекции далеко не успела состояться в силу своей гибели в 224 г. н.э. Парфия была неким альтернативным вариантом, и в этом отношении, прямым антиподом Рима. Это сказывалось в первую очередь в духовном противоборстве и реализации тех принципов мироустройства, которые в своем основании не являлись хилиастическими, а были движимы эсхатологическими импульсами. Отсюда совершенно разные духовные установки в отношении претворения идей универсализма или космополитизма, которые на практике и у Рима, и у Парфии отличались друг от друга. Но падение Парфии привело к тому, что в определенном смысле римская цивилизация оказалась безальтернативной в силу своей единственности в Античной Ойкумене. Именно в силу данных обстоятельств, финикийско-карфагенско-римская материалистическая парадигма и предопределила становление европейской истории в определенной данности.

Однако трансформация Римской империи в так называемую восточно-римскую, со временем ставшей греко-сирийской, привела к тому, что грекам и сирийцам удалось перехватить инициативу у римлян, и они в определенной степени попытались реализовать еще нереализованные аспекты парфянской идеи. Далеко не случайно, и это, скорее всего, имеет глубоко символический характер, что византийские императоры объявили себя преемниками Селевкидов и Аршакидов, т. е. смертельных врагов Рима. Что касается парфянской идеи, то ее невидимое на эмпирическом уровне, влияние было действительно значительным. По мере ослабления религиозных импульсов внутри материализма, и десакрализации хилиазма данного в виде только идеала теократического мироустройства, происходят существенные пертурбации внутри эсхатологизма, где постепенно спиритуалистические установки заменялись пониманием необходимости спасения истории, в том числе и в ее материальности, которая оказывалась неразрывно связанной с Духом, а эсхатологизм уже не противостоял хилиазму, а наоборот, требовал его полной реализации, потому что только в этом случае за ним и над ним начинали маячить эсхатологические перспективы завершения истории, вслед за которым приоткрываются ее практически безграничные возможности на другом онтологическом уровне. Именно поэтому эсхатологизму тоже пришлось сыграть свою незримую роль в истории Византии. И ему

действительно суждено было раздвоить Византию на римскую и парфянскую части. С определенной схематической точки, без чего никак не обойтись, поскольку схематизм всегда присутствует в реальной действительности, когда речь идет о ее теоретизации, суть сказанного сводится к следующему. Стремление к мировому господству любой ценой, навязывание своих взглядов грубой силой, цезаризм во внутренней и внешней политике, хилиастически обранные установки теократических притязаний церкви с позиций цезаропапизма – это все что досталось Византии от Рима, и что в весьма немалой степени способствовало ее приходу к краху. Что касается собственно парфянской идеи, то она в большей степени сказалась в тех идеальных проекциях Византии, которые в какой-то степени не состоялись, но стали исторической проекцией Византии, ее искомой идеальной сущностью, ее вечно юной душой, не погибшей вместе с ее материальной оболочкой, но перешедшей в жизнь новых славянских народов и предопределивших их восходящее развитие в истории. Парфия не позволила Византии остаться только Римом, более того, без Парфии не было бы Византии в том величии, которая оказалась запечатленной в вечности. И что самое важное, поворот Византии к Востоку, в результате чего ее всемирно-историческое значение вполне состоялось, стало возможным благодаря действительному присутствию парфянского фактора. Именно благодаря последнему, сирийские начала приводят к появлению православия, в противном случае греческие религиозные принципы существенным образом не смогли бы разойтись с католицизмом и прийти к созданию восточного христианства.

Однако восточное христианство, или что то же, православный мир или византийская Ойкумена, пало под ударами тюркоислама, завершающими аккордами чего оказался 1453 год. Единственной величиной, поднявшейся из этих руин, оказалась Россия. Но во многом ее дальнейшее восхождение пошло по римскому пути. И скорее всего ее первым духовным срывом стала идея «Третьего Рима». «Эта удивительная «поэма» о Москве – Третьем Риме» (В.В. Зеньковский) не состоялась, а реализовался «духовный провал идеи Москвы как Третьего Рима» (Н.А. Бердяев). Россия во многом пошла по пути тех византийских начал, которые были неразрывно связаны с римскими принципами, а уже с Петра Великого сугубо западный вариант развития рассматривается в качестве безальтернативного. В результате ее цивилизационная идентичность была во многом утеряна из-за желания, во что бы то ни стало стать частью западного мира. Что касается православия, как церковно-государственной идеологии, то оно в этих духовных измерениях, было призвано продемонстрировать «правоту» истинной веры русско-славянского этноса, погрязшему в заблуждениях ереси Запада

С этим напрямую связано то обстоятельство, что царизм в нежелании решения Восточного вопроса заменяет последний сугубо имперской политикой территориального приращения России. И это тогда, когда, по словам Н.Ф. Федорова и В.Н. Ильина, историческая судьба России изначально была неразрывно связана с судьбой Восточного вопроса. На это обстоятельство обращали особое внимание, вплоть до выстраивания определенной историософской концепции, Н.Я. Данилевский, и особенно К.Н. Леонтьев и С.Н. Трубецкой. Н.Я. Данилевский и К.Н. Леонтьев и С.Н. Трубецкой полагали, что Константинополь не должен быть

непосредственно присоединен к Империи в качестве «русского города», а стать столицей всего Православного Востока во главе с Россией. Гласом вопиющего в пустыне звучит предупреждение Е. Трубецкого из эпохи первой мировой войны о том, что любая попытка присоединения к империи «русского Константинополя» обернется катастрофой для России.

Однако те пертурбации, которые произошли в период правления Александра III и Николая II, во многом предопределили исход Российской империи. Провозглашение лозунга «Россия для русских» окончательно ставит точку в решении Восточного вопроса, означает сближение с тюрко-исламским миром против него, и приводит к появлению евразийской «идеи», глубинно направленной против православия как такового. Суть сказанного сводится к следующему. Если в предыдущие царствования более или менее рассматривался фактор т. н. малых союзников, в том числе даже возможности установления с ними определенных конфедеративных отношений, то в правлении последних двух императоров, это все начисто отбрасывается в пользу исключительного территориального приращения империи. Это обстоятельство имело также очень важное последствие. Народы византийской Ойкумены начинают рассматриваться почти как враждебный элемент, который должен быть «уравновешен» усилением за счет последних тюрко-исламского фактора. Расчет делался на том, что византийские народы в силу своей самодостаточности, и как правило древности, ассимиляции не подлежат, и поэтому «опасны», а тюркские народы будучи «аморфной массой», при умелом выстраивании грамотной политики могут быть в нескольких поколениях поглощены русско-славянским этносом. А поскольку такая духовная установка предполагала исключительность русско-славянского народа, когда единственным наследником византийского наследия является только он, то это вело к столкновению с греческим народом, и превращению грекофобии в стержневое содержание внутренней и внешней политики. В результате появляется целая плеяда государственных деятелей: министров, дипломатов, а также идеологов, призванных обосновывать и проводить идеологически в нужном направлении «генеральную линию» сходящих с исторической арены Романовых.

Сегодня, с исторического расстояния ста лет, уже в полной мере вырисовывается вся та неприглядная картина римского цезарапапизма Романовых, которая была выстроена на основании западной модели имперского могущества, образцом чего является Британская империя. Было бы не преувеличением полагать, что такой разворот имперской истории, оказавшейся своим острием направленной против Восточного вопроса, делал ее дальнейшее существование бесперспективным, что, в конечном счете, привело к падению царизма.

Можно ли на основании сказанного прийти к тому положению, что в истории России как актуализированная данность были реализованы только римские начала, а парфянские все еще находятся только в потенциальном состоянии? Если бы в тысячелетней истории России все было бы так однозначно, то о парфянском факторе в ней, и речи быть не могло. На самом деле они там присутствовали изначально. Само становление России с первых шагов ее существования в историческом плане определяет ее как сторожевое государство, которому суждено было сыграть очень большую роль в судьбе

мировой цивилизации. Становление Европы в ее зрелой фазе оказалось неразрывно связанным с Россией как заслоном на пути к ней. Во многом благодаря борьбе России с кочевьем Турана, стала возможной нормальное функционирование жизнедеятельности европейского культурно-исторического пространства. И в этом отношении Россия должна быть рассмотрена как потенция иранства и прямая преемница Парфии. Сказанное должно быть отнесено к самим истокам, т. е. к Киевской Руси. Именно в ней начинает формироваться особое мироощущение, связанное с эсхатологически напряженным вглядыванием в будущее. Далекое не случайно, что в восприятии русского народа именно Киевская Русь становится святой, откуда и берет свое начало Святая Русь. Здесь очень важно отметить, что в Киевской Руси русская история оказалась задана в своем эсхатологическом измерении в «Сказании о невидимом граде Китеже». Становящийся невидимым Китеж олицетворяет собою высший идеал и главную цель всей русской истории. Речь идет об осознании высших религиозных идеалов и сакраментального смысла исторического бытия самой России. В перспективе эсхатологического характера ставится вопрос о нахождении Китежа и постепенного осуществления его идеалов на Земле. Эта эсхатологическая заданность русской души находит свое отдохновение в самых высоких духовных сферах иранства и напрямую перекликается с парфянскими импульсами. На этом уровне идея Китежа перекликается с идеей великого разрушенного аршакидского города, который будет восстановлен по истечении времен, в новом просветленном измерении смены мира с римского на парфянский. В свою очередь это связано с возвращением последнего парфянского Аршакидского царя Артабана 5, и воцарения Артабана 6, олицетворяющего собою приход нового исторического бытия. После падения Царьграда, эта триада Китеж–Аршакаван–Константинополь, становится незримой частью русской истории, достоянием ее эсхатологического сознания, проекцией свершения восстановленного византийского мира, открытия новой страницы всемирной истории.

Следующая страница приходится на деятельность Сергия Радонежского – великого святого не только русского народа, но и всего Православного Востока. Не было бы никакого преувеличения утверждать, что исключительный идеал восточной церкви, за что она борется и к чему она стремится, дан в большей степени в образе и деятельности Сергия Радонежского. Применимо к Сергию Радонежскому, необходимо также подчеркнуть его исключительную значимость в русской истории, поскольку благодаря именно ему, она не распалась, и не оказалась разорванной на части. Сергию Радонежскому удалось сохранить преемственность, и реализовать возможность органического перехода Киевской Руси в Русь Московскую, благодаря чему киевский период стал неотъемлемой частью московского этапа развития, применимо к новым историческим условиям. И здесь раздробленность Киевского государства не должна быть противопоставлена централизованности Московского. Второе оказалось закономерным преодолением первого. Более того, если бы Киеву удалось бы выстоять и сохранить свою первородность, то процессы его централизации носили такой же характер и были наполнены тем же содержанием, что впоследствии произошло с Москвой. В этом случае переход Киевской Руси в Московскую

Русь столь же закономерен, как и трансформация Московской Руси в Петербургскую Россию. И если в последнем случае можно говорить о некоем разрыве связей времен, как о чем-то, что отнюдь не было, по крайней мере однозначно, детерминировано предыдущим этапом, как о новом, начавшем свое шествие не в полной гармонии с прежним, то сказанное не имеет отношения к Киеву и Москве, здесь в определенном смысле выпадает только Петербург.

Возвращаясь к Сергею Радонежскому, надо сказать следующее. Для Сергия Радонежского вера в Троицу была основной и основой для решения социальных и национальных проблем. Сергей Радонежский, как мало кто другой, понимал, что именно через учение о Троице снимается пропасть между трансцендентным и имманентным сферами бытия, и становится возможным единое понимание истории, заданной Богом человеку в качестве смыслополагающего основания его существования. Сергей Радонежский считал, что через вникание в учение о Троице, и вдохновенном его понимании, можно максимально реализовать божественные установки в социуме, способствуя предельно возможному в этих условиях одухотворению человека. Замечательный историк и богослов Н.М. Зернов абсолютно прав, что руководителям русской церкви не удалось достичь той высоты, на которой находился Сергей Радонежский, ибо его великие замыслы духовного возрождения оказались преждевременными, намного опередивших свое историческое время. Именно это стало причиной множества последующих поражений русской церкви и России.

Однако никто иной, как Сергей Радонежский взвалил на свои плечи бремя колоссальной ответственности за будущее России, и благословил русский народ на ратный подвиг борьбы с туранскими захватчиками. Даже в этот тяжелейший период, когда поражение, по словам Н.М. Зернова, привело бы к массовой резне русского народа, а Московская Русь повисла над бездной, Сергей Радонежский мечтал об объединении всего восточнохристианского мира, ибо для него спасение русского народа и его единение с Православным Востоком, были неразрывно связаны друг с другом.

Эсхатологические прозрения Сергия Радонежского приводят к узреванию рассвета вечного дня и делают его глашатаем и пророком окончательного триумфа Христовой Церкви. В этом отношении Сергей Радонежский является самым великим представителем русской истории, в коем воплотили себя во всей своей сакральной религиозной глубине византийско-парфянские начала, и который стоит у истоков грядущего преображения мира.

Завершая рассуждения о Московском периоде, необходимо отметить то важное обстоятельство, что в нем изначально присутствовали оба фактора: римский и парфянский. В этом отношении Московская Русь повторила судьбу Византии. В истории России как Московского, так и Петербургского периодов, оказались вместе заданными римское и парфянское, так и не сведенные к единому знаменателю.

Симтоматично и одновременно символично, что в самом начале Московской Руси, у ее истоков оказываются имперская идеология «Третьего Рима» и парфянский двуглавый орел. Парадокс заключается в том, что на протяжении всей русской истории эти два начала воспринимались, чуть ли не

как одно и то же. Имперская идеология «Третьего Рима» как продукт церковно-националистической идеологии, была призвана санкционировать и закрепить имперское могущество, где церковность сводилась к духовному инструментарию, обосновывающего возможности осуществления последнего, и когда в «чистом остатке» от нее оставалась выхолощенная теократия, потерявшая, какие бы то ни было незримые, и даже зримые, связи с инобытием. Парфянский двуглавый орел изначально предполагал объединение Востока и Запада в единое целое, где в отличие от чисто римского территориального приращения, речь шла о собирании земель, смысл которого был дан в духовных координатах: единого состоящего из множества, но не сводящего последнее к единообразному, а стремящегося к предельной реализации принципа гармоничного соотношения между ними, на путях восхождения человечества к утраченному единству, но данному на сей раз в многообразии как уже достигнутого им зрелого исторического состояния. И за всем этим начинает маячить эсхатологическая перспектива.

Все те историософские построения в русской философии, которые отводили России особое место в деле примирения, и даже объединения Востока и Запада, и достижения общечеловеческого и всечеловеческого идеала, по существу, реанимировали парфянскую идею, которая действительно должна быть реализована Россией, поскольку она должна быть в провиденциальном плане «Новой Парфией». Однако для того, чтобы «Новая Парфия» в полной мере могла состояться, римские начала, и в частности, связанная с ними идея «Третьего Рима» должна быть оставлена в прошлом. В этом отношении мифологема «Москва – Третий Рим», представляет сугубо исторический интерес, относящаяся к определенным пройденным этапам, и являющаяся таким же реликтом канувших в лету времен как «Эфиопия – Третий Рим», «Болгария – Третий Рим», «Грузия – Третий Рим».

Что касается западного христианства, то оно никогда не было только иранско-парфянско-византийским, здесь изначально присутствовали финикийско-карфагенско-римские начала, и поэтому борьба иранства с семитством имела наиболее ожесточенный характер, по ходу которой, вторые постепенно брали верх над первыми, и хотя их полного вытеснения и не произошло, но это привело к доминированию семитства над иранством, и как следствие, к формированию особого культурно- исторического типа. Именно по этой причине восточно-христианский мир и западнохристианская цивилизация изначально разошлись. Здесь надо заметить, что римская часть античного мира была подавляющим образом поглощена финикийским материализмом. Вслед за этим периодом классическое западноевропейское средневековье под преимущественным, даже решающим воздействием идей арабского материализма просуществовало практически большую часть отпущенного ему срока. И наконец, становление нового времени, вместе с неразрывно с ним связанным капитализмом, формируется под исключительным влиянием еврейского материализма.

Таким образом, семитский материализм сыграл очень большую роль в истории Европы в целом, однако фатально определяющим его влияние все же сказалось в новое время, когда вся его мощь полностью сосредоточилась в еврейском материализме. Если до этого еврейский материализм был только частью семитского материализма, никак в этом отношении не отличаясь от

финикийского и арабского, то в новом времени еврейский материализм оказывается уже тождественным общесемитскому материализму. Это событие оказывается судьбоносным для всемирной истории, поскольку знаменует собою трансформацию религиозного материализма в оккультный материализм. Отныне духовное измерение сводится к материальному, из него выводится. Материальное как таковое свое концентрированное выражение получает в экономической деятельности, которая, заменив собою хозяйственную, из инструментария призванного удовлетворять потребности культурной деятельности, становится самоцелью всего сущего. Материализация и десакрализация свои начала имеют в определенных религиозных истоках, поскольку последние в своей деонтологизации и профанации, призваны отторгнуть человека от Бога, превратив материальный мир в обезбоженный, но претендующий на абсолютный статус, и заслоняющий собою Бога от человека.

Однако, логически завершающий весь цикл оккультного материализма, этот период уже не связан с еврейским материализмом. И он является порождением т. н. новейшего времени, т. е. детищем XX столетия. Речь идет об американском оккультном материализме. Почему американском? Еврейский материализм изначально, в онтологическом смысле был связан со священными установками древнего иудаизма по спасению и одухотворению материального бытия. И хотя со временем эти высокие религиозные импульсы покинули почву еврейского материализма, однако полностью покончить с ними, и все начать с «чистого листа» ему не удалось. Сперва сакральное стало сакраментальным, затем сходит на нет и оно, но тотального уничтожения некогда заданной исторической проекции все-таки не происходит. Но поскольку все начинает двигаться в определенном направлении, еврейский оккультный материализм свою эмансипацию от духовных атрибутов высшего бытия получает вне себя, путем своего своеобразного «снятия». Но и в этом случае прямого перехода еврейского материализма в американский не происходит. Трансформация еврейского материализма, на путях окончательного прихода к «чистому» материализму, приводит к появлению феномена англосаксонского оккультного механицизма. Понадобился достаточно долгий промежуток т. н. нового времени, чтобы механистический способ миропонимания стал чем-то совершенно само собой разумеющимся.

Таким образом, американский оккультный материализм является прямым детищем англосаксонского механистического оккультизма. И только благодаря этому обстоятельству, у него нет никаких воспоминаний о далеких, забытых и выветренных сознанием религиозных корнях. Поэтому для него изначально обезбоженный мир является проекцией идеально выверенного механизма и его идеально слаженного действия. Именно по этой причине на все оставшиеся времена, вплоть до его схождения с исторической арены, тон оккультному материализму будет задавать американский материализм, который в своей тотальности есть последняя историческая проекция оккультного материализма как такового.

Возвращаясь к западному христианству, необходимо выявить метафизическую причину, из-за чего интенции материализма смогли в определенной степени реализовать себя. Процесс пертурбации религиозного материализма в оккультный, не в последнюю очередь связан с тем

обстоятельством, что западное христианство во многом перемололо в себе высокие импульсы греческой и сирийской духовности, практически сведя на нет связи с ними, особенно после 1453 года. И если до этого хилиазм, так или иначе, не мог полностью порвать связи с эсхатологизмом, то после этого разрыва, хилиазм уже отождествляется уже только с теократическим устройством, которое в новых исторических условиях секуляризуется, и окончательно теряет свои религиозные корни, после чего в условиях уже восторжествовавшей буржуазности, как концентрации «идей» оккультного материализма, на далеком горизонте начинает маячить призрак «потребительского общества» устремленный к пресловутому «всеобщему благоденствию».

Также роковую роль сыграла западно-христианская идея предопределенности, идея, которая от католицизма перешла к протестантизму. Положение о том, что только энному количеству от рождения уготовано спасение, а остальное большинство, тоже от рождения, предопределено «геене огненной» уже изначально было чревато надвигающейся катастрофой, поскольку религиозное мировоззрение редуцирующее такие установки, должно было быть заменено секуляризацией всей сферы жизнедеятельности, как необходимости «снятия» этой профанирующей и профанной псевдо идеи, как необходимости дальнейшего развития, в том числе и обратной сакрализации религиозных идей. Здесь важно заметить, что в самом предопределении, при всей, казалось бы, религиозной даже чрезмерной строгости, было задано материалистическое начало «факта рождения» оккультного по характеру своего происхождения, призванного заменить собою свободу воли как возможности метафизического выбора между добром и злом. Модальность свободы как стержневое онтологическое начало самой возможности существования как потенциального «тварного бога» и его деятельности направленной на историзацию мира, отмененной быть не может. Отказ от этих определяющих принципов призван выбить человека из религиозной колеи, и погрузить его в животную стихийность материальной природы, что в конечном счете чревато его деантропологизацией.

Таким образом, разрыв с греко-сирийскими началами Православного Востока, привел к однобокому господству латинских, и к бессилию Европы перед наступающим оккультным материализмом, выпестовавшим новое время, в котором его «гуманизм» свелся к дегуманизации самих истоков человеческого существования.

Отныне тон задает «римское право», как максимально возможное для устройства социума, законодательство, призванного регламентировать как систему юридических, так и экономических отношений. «Римское право» как кредо всей европейской истории! Загнанность великой культуры в «прокрустово ложе» латинских начал не могло не привести к деформации само здание европейской истории.

Еще К.В.Ф. фон Шлегель отмечал особой силы негатив «римского права» в германской истории, перекрывшего исконно народное и духовно намного более глубокое «германское право». Если «римское право» останавливалось на душе ощущающей, перекрывая дорогу, ведущую в сферу Духа, тем самым, сводя основные свои постулаты, пусть даже и имеющие определенное отношение к нравственной сфере, все же к выпестовыванию

«правового сознания», то германское понимание права двигалось в противоположном направлении: от Духа к душе и к рассудочному мышлению.

В унисон Шлегелю-младшему, Гете обращал внимание на тот негатив, и вытекающие из него последствия, когда латинский язык стал вытеснять греческий. Гете противопоставляет тяжеловесный и притягиваемый материальной стихией латынь духовному и парящему над землей греческому языку. В определенном смысле это сравнение необходимо понимать в более широком контексте. Римские начала останавливались на рассудочности, греческие вели к Логосу, в первом случае речь шла об увековечивании наличного уровня материального бытия, во втором его одухотворении. И в зависимости от того, какая парадигма брала верх, реализовывался тот или иной вариант развития. Но как выше уже было сказано, в общем и целом, финикийско-карфагенско-римский материализм взял верх над иранско-парфянско-византийскими принципами. И как прямое следствие данного фактора, в пределах западного вектора развития к концу средневековья и в начале нового времени и под прямым воздействием еврейского, и частично арабского материализма, формируется англосаксонский механистический оккультизм, который уже в новейший период переходит в американский оккультный материализм. Последнее обстоятельство во многом стало ударной силой западной цивилизации.

Однако загнать в полной мере в «прокрустово ложе» европейскую историю все-таки не удалось. Прусский Дух, лежащий в основании германской классической философии, не только сказал свое слово, не позволив оккультному материализму полностью полонить западноевропейскую культуру, но и в своей метафизической проекции, оказался эсхатологическим заслоном на его пути, будучи единственным проявлением византийско-парфянских начал на западноевропейской почве, заданным, так сказать, в своем чистом виде. С.Н. Трубецкой был совершенно прав, когда в конце XIX столетия, считал, что на почве духовной брани Европы остались два противника: германский метафизический идеализм и английский позитивный эмпиризм. И от того, сумеет ли метафизика поглотить эмпиризм, или же сама окажется разрушенной им, будет напрямую зависеть духовная ситуация времени, со всеми вытекающими отсюда последствиями. Начиная с 1945 года либерализм, пытается любой ценой уничтожить абсолютный идеализм, превратив его в козла отпущения за совершенные фашизмом преступления, хотя именно либерализм во многом сам же способствовал приходу фашизма к власти, как последней надежде спасения капитализма.

Вместе с тем борьба англосаксонских и германских принципов еще не закончилась, т. е. нельзя сказать, что метафизика уже навсегда сдана в архив истории. Несмотря на то, что первая четверть XXI столетия уже завершается, и несмотря на всю бросающуюся в глаза бесконечную мозаичность современного Запада, в духовном отношении мало что изменилось. Воинствующий материализм, сведенный к тотальности экономизма, к которому все сводится и откуда все выводится, при всей своей разношерстности, с одной стороны, опирается на финикийско-карфагенско-римские принципы, пытающиеся все объять в материалистическом измерении, а с другой, что уже является продуктом новейшей истории: еврейского материализма,

англосаксонского механистического оккультизма, и вобравшего их в себя американского оккультного материализма.

Единственное, что существенно выделяется как некая недавно появившаяся данность – это присутствие туранского материализма, уже не где-то находящегося, а начинающего проникать внутрь Европы. Вплоть до последнего времени фактор Турана находился около Европы, вокруг нее, прислуживая тем или иным ее политическим интересам, и всегда будучи своим острием, направленным против Восточного вопроса. Что касается туранского материализма, то он никакого отношения к тем духовным установкам, которые продуцировали определенную материалистическую философию, никогда не имел. Если на западном историческом пространстве оккультный материализм будучи десакрализованной формой теологического сознания, вместе с тем пытался выпестовать довольно сложную картину мира, по-своему опираясь на философскую рефлексию, аналитические возможности научного знания, и определенным образом проинтерпретированный религиозный опыт, то всего этого и в помине не было в туранском материализме. Здесь речь шла только о душе ощущающей на уровне природной данности бытия.

Суть сказанного сводится к следующему. Туран в любой форме своего проявления (гуннской, хазарской, монгольской, общетюркской, турецкой) всегда отличался воинствующей бездуховностью. Вся туранская завоевательная политика сводилась к ограблению коренного населения и попыткам увековечить свое господство. В отличие от иранцев, германцев и славян, на завоеванных территориях распространявших свой стереотип духовного измерения мира, перед туранцами вообще не стояло такой проблемы. Если семитские и англосаксонские народы создавали великие государственные образования и под стать им великие культуры, то туранские империи превращались в тлен истории, не оставив после себя никакого культурного следа. Если они и выступали в какой-то роли, то только в роли могильщиков культуры, по словам Данилевского, «всех уравнивая в равенстве смерти».

То, что ныне туранский материализм уже начинает пребывать в самой Европе, говорит о многом. Оккультный материализм в своей завершающей фазе деградации и схождения на нет, превратился в смертельную опасность для всего европейского мира. Англосаксы в своем стремлении сохранить нынешнее недееспособное положение в Европе, сделали ставку на туранский материализм, в желании выстроить стену «Великого Турана» на пути России и Китая.

Если эту ситуацию рассматривать в исторической проекции, то попытка прикрыть Тураном Европу, приведет к ее собственной туранизации. По этой же причине дело даже не дойдет до выстраивания «стены Турана» для остановки так называемой «экспансии» России или Китая. Тогда почему же ставка делается на изначально недееспособном проекте?

На стыке не только веков, но и тысячелетий, речь идет о возможном выходе человечества к новым духовным горизонтам развития, которое если даже и не будет прямым переходом на иной онтологический уровень, но в случае своей реализации окажется его непосредственным предварением. Однако для того, чтобы данная потенциальность актуализировалась,

необходимо преодолеть оккультный материализм и навсегда освободить европейскую культуру от материалистического наваждения. Но те старые силы, олицетворяющие собою десакрализованный, лишенный своих религиозных корней оккультный материализм, готовы любой ценой законсервировать старое положение вещей, увековечить его, растянув на неопределенно долгое время, одновременно проявляя волю к концу, и в случае своего поражения готовые весь мир похоронить вместе с собой. Именно поэтому и туранизация, и исламизация, и полная варваризация европейского континента во исполнение худших апокалиптических прогнозов германской консервативной революции, становится явью, начинает проявляться во плоти. Старые начала, без которых во многом не было бы исторического величия Европы, сегодня стали главной силой, подталкивающей ее в пропасть. Речь идет о схождении на нет финикийско-карфагенско-римских начал, которые должны на новом историческом витке уступить свое место иранско-парфяно-византийским. Однако на Западе и силами самого Запада сделать реальным этот исторический сценарий, невозможно.

В свое время Энгельс писал о том, что кризис, объявивший Римскую империю во времена пресловутого великого переселения народов, не закончился полной катастрофой и окончательным схождением на нет римского и романского мира по той причине, что римские и германские начала сошлись воедино, в результате чего появился новый романо-германский, который по всем показателям намного превзошел достижения собственно римской цивилизации. Эта замечательная по своей глубине мысль, была высказана Энгельсом в 1884 году. И она как никогда актуальна сейчас, на что имеются очень серьезные основания. На протяжении всего XIX, а также XX столетий, здание европейской истории было подвержено тектоническим потрясениям. Первые десятилетия XXI столетия только усилили эту тенденцию, окончательно вскрыв их перманентный характер. В контексте сказанного аналогия является прямой. Европейская история вступила в тот свой период, когда ее пребывания только на романо-германских принципах, является уже обреченным. Для ее дальнейшего выживания и раскрытия новых перспектив развития, необходима трансформация романо-германской культуры в романо-германо-славянскую. И только в этом случае возможно обеспечение ее будущего, которое и в географическом отношении обретет совершенно новое качество от «Дублина до Владивостока», от «Лиссабона до Хабаровска». И тогда не понадобятся «троянские кони» Турана и отпадет необходимость в выстраивании «новой китайской стены», поскольку единая и сильная Европа будет напрямую соседствовать с Китаем, в качестве двух равновеликих и самодостаточных величин. И в этом отношении именно Россия среди остального славянства призвана сыграть особую роль. Новая встреча Запада и России не может быть дана на старых основаниях. И здесь нет места «Третьему Риму» у прямых преемников Рима, здесь возможен свет, идущий с Востока для одухотворения старого и его воспарения, что уже связано с идеей «Новой Парфии».

Русско-славянское в отношении англосаксонского выступает прямым антиподом, ибо господство одной стороны автоматически приводит к сведению на нет другой. Россия в европейской культуре – это Македония в отношении Греции, в то время как англосаксонство, особенно в лице его

ведущей части Америки, является антиподом Греции, данного как Рим. Далеко не случайно, что через Македонию эллинизм становится эллинизмом, т. е. приобретает всемирно-историческое значение, а посредством Рима Греция сходит на нет. Это тем более важно подчеркнуть, что современная Америка не только выпадает из европейского исторического измерения, но и в духовном плане выступает антагонистом по отношению к ней. И от того, кто возьмет верх зависит, сохранится и пойдет дальше в своем поступательном движении европейская история, или же она повернется вспять, и придет к самоуничтожению.

Взаимоотношения России и славянства с Западной Европой символично могут быть рассмотрены в образах Герды и Кая. Кай как олицетворение духа Запада, отдан на заклятие «оледенения сердца». Живая трепещущая душа последнего заменена на «ледяную игру ума», и ему собственными усилиями не дано вырваться из Ледяного дома вечного холода, и найти самого себя. Ключ от отчужденной души Кая находится в руках Герды. Самоотверженность Герды дана в том, что она бросает все ради Кая, готовая даже пожертвовать собой, лишь бы спасти его. Герда – в каком-то смысле есть душа Кая, та его часть, без которой он, собственно, обречен. Именно по этой причине босая Герда с «Отче наш» на устах в муках проходит почти весь мир, лишь бы вернуть Кая через себя самому себе. И здесь не только спасение Кая дано в Герде, но и Герда в полной мере овладевает своей душой только через спасение Кая, ибо Герде никогда не воспрянуть душой, не подняться ей в высь небес, если рядом нет Кая, если Кай не является смыслом ее жизни.

Об авторе:

ГЕВОРКЯН Артур Рудольфович – кандидат философских наук, доцент, кафедра гуманитарных наук, Первый Московский государственный медицинский университет имени И.М. Сеченова, Москва, Россия, argevorkyan@yandex.ru, Orcid: 0000-0001-8417-6043, Spin-код: 2063-9342.

CIVILIZATIONAL CHALLENGES TO THE MODERN WORLD, AND THE SACRED COMPONENT OF THE PAST

A.R. Gevorkyan

First I.M. Sechenov Moscow State Medical University, Moscow, Russia

The article considers the origins of modern civilizational challenges and the consequences of the historically unfolding confrontation between eschatologism and chiliasm. Russia acts as the so far unimplemented potency of the Iranian-Parthian-Byzantium principles. The scientific novelty highlights the influence of modern global changes at the junction of centuries and millennia on the collapse of the educational paradigm, with its simplistic worldview, where complex historical development processes are replaced by mechanistic progress, brought from the scientific and technological sphere. The author emphasizes the necessity to consider alternative possibilities in

understanding history as complex phenomenon where the future and the past as well as present are equally alive. And this means turning to the principle of historicism as the totality of the historicity of history. The purpose of the article is to identify the necessity to transit the main line of development from Western European, Latin civilization to the Eastern European, Byzantine world. The author is making an attempt to show the non-alternative of this path of history development in order to prevent its disruption since if the initiative passes into other hands, this will be tantamount to noting the confidential nature of the existence of mankind, even though this providentialism can realize itself in a purely secular form of its manifestation. The novelty of the analysis is the identification of the unrealized potency of Parthanism which is replacing the obsolete Roman model. In this regard, it should be noted that Parthanism is not only part of Iranism, but also absorbs it and at the same time it is the entire unit in relation to it. Moreover, both Iranism and Byzantine principles can be actualized in completely new historical conditions only through the Parthian idea, being its constituent parts, and thereby staying in it itself.

Keywords: *Iranianism, Semitism, chiliasm, eschatologism, Phoenician - Carthaginian-Roman principles, Iranian-Parthian-Byzantine principles, "Third Rome", "New Parthia".*

About the author:

GEVORKJAN Artur Rudol'fovich – Ph.D., Associate Professor, Department of Humanities, I.M. Sechenov First Moscow State Medical University, Moscow, Russia, , e-mail: argevorkyan@yandex.ru